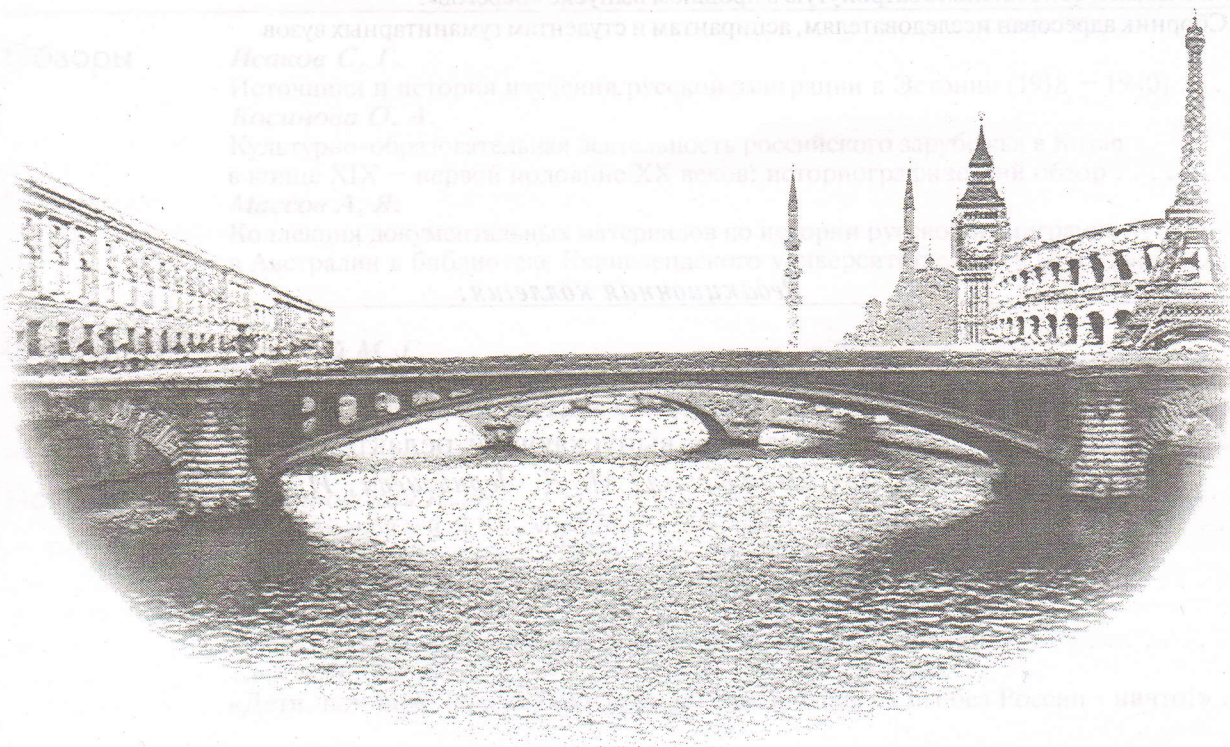

ИНФОРМАЦИОННО-
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
«РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ»

Берега

Информационно-аналитический
сборник о русском зарубежье

2009

ВЫПУСК 11-12

Санкт-Петербург

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

БЕРЕГА:
Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье.
Вып. 11-12. СПб., 2009. 118 с.: ил.

Ведущей темой настоящего сборника стала история русской эмиграции в странах Балтии, в частности, в Латвии и Эстонии, что стало возможным, благодаря участию авторов из этих стран (С. Г. Исаков, Е. Кальюнди, А. Т. Ракитянский, Н. О. Тамарович и др.). Кроме того, представлены обзоры материалов библиотеки Квинслендского университета (Австралия), историографический обзор культурно-образовательной деятельности эмигрантов в Китае. Публикация архивных материалов представлена статьей литератора А. В. Амфиатрова (1862-1938) о состоянии эмигрантского издательского дела начала 1920-х гг., которая представляет интерес фактическим содержанием и авторскими оценками явлений. Рубрика «Personalia» содержит материалы о деятеле французского Сопротивления И. А. Кривошеине. В разделе «Электронные ресурсы» опубликовано сравнительное исследование полноты отражения в крупнейших отечественных сетевых библиографических базах данных изданных материалов по проблематике русского зарубежья. В рубрике «Библиография» продолжен учет авторефератов диссертаций по русскому зарубежью (за 2007 г.). Представляют также интерес материалы традиционных разделов «Рецензии» и «Хроника». Так, например, в «Хронике» помещен материал о 2-м Форуме «Русский язык вне России», который продолжает тему преподавания русского языка в зарубежной русской школе, основательно затронутую в прошлом выпуске «Берегов».

Сборник адресован исследователям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

Редакционная коллегия:

*О. Н. Ильина — ответственный редактор,
Н. В. Бекжанова, З. С. Бочарова, Т. Д. Исмагулова, Е. В. Конюхова,
И. Е. Прозоров — выпускающий редактор
Н. А. Сидоренко, Е. Е. Симановская, М. Д. Чернышева, И. А. Шомракова*

посещения усыпальниц египетских фараонов, могилы Данте, Музея золота в Колумбии. Столь нежно любимая Муза Дальних Странствий, к сожалению, не привела Игоря Владимировича Чиннова на родину в Латвию, но привела его в Москву и Петербург в октябре 1991 г. Летом 1992 г., несмотря на солидный возраст, он приехал в Россию во второй раз. Да, ему мечталось, хотелось вернуться в Россию. Об этом говорится в стольких стихах. Но почему-то не в Ригу, не в Латвию.

Из парижской газеты «Русская мысль» № 4128 от 30.05–05.06, 1996 г.: «21 мая 1996 г. пополудни в Дейтон-Бич (Флорида, США) после тяжелой болезни скончался известный поэт русского зарубежья Игорь Владимирович Чиннов. О чем известают друзья и коллеги покойного. Он будет похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве».

Согласно последней воле поэта в Россию, в Институт Мировой Литературы РАН, был передан архив. Поэтический струг рижанина И. В. Чиннова привел его и к месту последнего приюта — в Россию, на Ваганьковское кладбище...

Н. О. Тамарович

«Усадьбные» очерки С. Р. Минцлова

Безусловно, особое место среди всех латвийских топосов у С. Р. Минцлова занимает Латгалия. Латгалия была наиболее «русской» частью Латвии, своеобразным анклавом старой, традиционной русской культуры. Латгалия представлялась чудесно сохранившимся островком русской культуры после «революционного кораблекрушения»¹; и это была не призрачная, а «настоящая» Россия. Именно здесь оказалось возможным обретение усадьбного топоса, невозможного в России. Описывая латгальский быт, писатели словно теряли грань между старой русской деревней и современной, латгальской.

Мотив усадьбы, в целом, образует бесконечные сюжетные вариации в беллетристике и эссеистике 1920–1930-х гг. (в творчестве И. Лукаша, Ю. Галича, Л. Зурова, А. Формакова, В. Третьякова и др.). Этот мотив становится сюжетообразующим не только во многих романах, повестях, рассказах С. Минцлова, но также в его очерках, периодически появляющихся на страницах рижских еженедельных газет и журналов [1 — *здесь и далее в квадратных скобках указан номер примечаний в конце текста — Прим. ред.*].

Очерки «По старым гнездам» (I, II), «В барском гнезде», «В сказочном прошлом» представляют собой краткие зарисовки поездок Минцлова по латгальским имениям, с целью «окунуться в прошлое, опять подышать воздухом старых русских имений, посмотреть, как живут теперь уцелевшие

помещики» (158 — *здесь и далее в круглых скобках указан номер страницы по рижскому изданию очерков 1999 г. в сборнике «От Лифляндии — к Латвии» - Прим. ред.*)².

В Латгалию Минцлов отправляется с целью найти там следы России, заповедной, барской. Усадьба в этот период воспринимается как культурно-исторический памятник, неотъемлемая принадлежность русской культуры. Поэтому Минцлова главным образом интересует все то, что связано, так или иначе, с российским топосом: история, культура, литература.

Особую притягательность для русских писателей Латвии имели находящиеся в Латгалии ценные культурно-исторические памятники. Помимо сохранившихся средневековых замков, хранящих бесчисленное множество легенд и преданий, здесь находились усадьбы известных русских деятелей [2].

Выбор посещаемых Минцловым мест не случаен: в Режице (Резекне) и Люцине (Лудзе) находились имения, известные, прежде всего, как богатые литературные и культурные музеи. Так, в Лоберже (Лабваржи) и Рунторте (Рундени) находились усадьбы, связанные с памятью бывших в них поэтов, братьев Алексея и Владимира Михайловичей Жемчужниковых, создателей легендарного Козьмы Пруткова; и их двоюродного брата, графа А. К. Толстого. Лоберж был связан с родом Жемчужниковых; его владелицей была М. А. Вошинина —

¹ Мекш Э. Б. Иван Лукаш и Латгалия // Бодровские чтения. Резекне, 2000.

² «Латгальские» очерки С. Р. Минцлова приводятся по изданию: *От Лифляндии — к Латвии: Прибалтика русскими глазами*. Рига: Insight Ltd, 1999. Т. II. С. 158-179. В круглых скобках указаны страницы.

племянница А. М. Жемчужникова³. Кроме того, латгальские имения посещали Л. Н. Нольде, М. А. Зайцев и известные академики-художники: С. А. Виноградов и Н. П. Богданов-Бельский. Сюда приезжали также Н. А. Белоцветов; одно лето провела талантливая русская актриса Е. Н. Рошина-Инсарова. В Лоберже находилась гора, с которой, по словам Н. Белоцветова, была «видна Россия».

В Режице находилось родовое имение Я. П. Кульнева, знаменитого героя войны 1812 г. В Ранторе (Рундени) в Люцине (Лудзе) находилось имение известного государственного деятеля В. А. Арцимовича; посещение его имения описано Минцловым в очерке «В сказочном прошлом»; здесь же Минцлов посещает художника А. П. Апсита, иллюстрации которого предварили исторический роман С. Р. Минцлова «Орлиный взлет» (Рига, 1931)⁴.

Латгальское пространство — геоисторический локус, который убавляется с каждым днем; он постепенно обрастает многочисленными мифами. Одно из наиболее значимых в контексте творчества писателей-эмигрантов — мифологическое присутствие А. С. Пушкина в лифляндском пространстве. Возникновение подобного мифа объясняется соседством Латгалии с Псковской областью, в которой, в частности, находится село Михайловское; там же располагаются Святые горы, где покоится прах поэта. Таким образом, многочисленные поездки русских писателей на границу Латвии приобретают характер массового действия. «Пушкинский сюжет», помимо очерков С. Минцлова, разнообразно варьируется в произведениях других рижских русских писателей: И. Лукаша, И. Фридриха, Ю. Галича, Л. Зурова⁵.

Усадьба для Минцлова — это то, что неотъемлемо связано с понятием рода, его корней; вполне закономерно, поэтому, что С. Минцлов посещает имение Ильзенберг (Ильзескалнс), где находилось родовое имение Кульневых, дальних родственников Минцлова (Отсюда, и семантика названия очерков — «По старым гнездам»). Имя Я. П. Кульнева значимо также и в ином контексте; оно связано с важными для национальной истории события-

ми — войной 1812 г. («Его образ оваян дымом сражений и шумом славных знамен. <...> Ему посвятил поэму шведский поэт Рунеберг; совместную жизнь с ним шутиливо описал Денис Давыдов, его воспел Жуковский»)⁶ [3].

О Кульневе писали И. Лукаш, Ю. Галич, В. Остужев; последний, в частности, в своей заметке, по поводу статьи Ю. Галича «На границе СССР», отметил ряд неточностей, допущенных Галичем. Свое «выступление» Остужев завершил красноречивым высказыванием, свидетельствующим о том, насколько «популярен» был данный сюжет на страницах рижской периодики: «<...> Все эти ошибки тем более непонятны, что история Кульнева в последние годы не раз была пересказана в печати»⁷. Огромной «популярностью» данного сюжета, не раз появлявшегося в печати, в какой-то степени, можно объяснить и тот факт, что в своем очерке Минцлов достаточно бегло упоминает об истории Кульнева, ограничиваясь общеизвестными фактами.

На страницах очерков Минцлов актуализирует фрагменты народной культуры, памяти о ней (местный старожил уже ничего не помнит о Кульневе; «он даже как будто удивился моим расспросам», — замечает автор) (166). Война и революция уже вырвали множество звеньев народной культуры, народной памяти; вследствие аграрной реформы от громадных имений остались только центры, «остатки былого величия». О «сохранении старого и отмирающего» заботилась русская интеллигенция, проживающая в Латвии.

Посещение «дома предков» влечет за собой неутешительные выводы: дом стоит в запустении, «полузакрытый густо разросшейся куртиной»; отдельные его помещения заняты свиньями и телятами. Всюду «грязь, разоренье и беспорядок <...>; вместо мебели кое-где торчала калечь, валялся всякий поломанный хлам» (166). Старые усадьбы — запущенные и нежилые: «Ни в доме, ни кругом него никого не виднелось; окна и двери были закрыты и заперты. <...> Как ни искали мы живую душу — такой <...> не оказалось» (160). Лейтмотивом в очерках Минцлова проходит описание пустующих местностей («кругом не виднелось ни

³ См. очерки: Формаков А. Латгальское «дворянское гнездо» — родина необычного писателя («Лоберж» Жемчужниковых) // *Сегодня*. 1934. № 132. С. 4; Третьяков В. Русские литературные реликвии в латгальской усадьбе (Усадьба Вошинных «Лоберж») // *Сегодня вечером*. 1931. № 163. С. 3.

⁴ А. П. Апсит наиболее известен как автор иллюстраций к произведениям Л. Н. Толстого: «Война и мир», «Детство и отрочество», «Хаджи-Мурат», «Набег», «Дьявол».

⁵ Имя Пушкина в публицистике русских писателей Латвии сопрягается с российским пространством, с самой Россией: «Близко за синеющими поволоками тумана спит Пушкин, спит Россия» (Лукаш И. *Земля Святой Ольги. Угол Латгалии*. // *Перезвоны*. 1925. № 2).

⁶ Остужев В. Забытое Кульнево // *От Лифляндии — к Латвии: Прибалтика русскими глазами*. Рига: Insight Ltd., 1999. Т. II. С. 183-185.

⁷ О-в В. <Остужев В.> На границе безграмотности: (по поводу статьи Ю. Галича «На границе СССР») // *Сегодня*. 1927. № 603. С. 6.

души», «опять встретили нас тишина и безлюдье», «людей не встречалось; только галки возились и впереводку кричали на башне»). Все это свидетельствует об умирании: «Но не будем больше вторгаться в эту жизнь: всякий имеет право умирать по-своему!» (162).

В усадьбах доживают свой век прежние их владельцы, по своему описанию напоминающие призраков, теней прошлого: «Рядом с парком никнет к земле старый дом, где обитают бывшие владельцы всего имения — бабушка и внучка. <...> Обе не любят новых лиц — я видел их только издали; обе редко куда показываются и замкнулись в своем мирке, в еще восьмидесятых годах прошлого столетия. Газет не читают, слово «революция» в доме не произносится — ее зачеркнули, ее не было... Жизнь — вся в минувшем! Прошлое там явь» (161-162). Представление о видимой бессмысленности и оторванности от жизни естественно воплощается в аналогичном, заимствованном из повседневности, традиционном образе: «шум жизни — ночная беготня мышей» (там же) [4].

Латгальское пространство по своему статусу занимает положение вне времени и пространства. Отсюда, частая замена его другим пространством, мифологическим, сказочным или литературным. (Ср., например, у Минцлова: «Важно прошумел парк; зажелтели однообразные жнивья, — показали грибы-хутора, рабочие будни сменили сказку»). В целом, присутствие сказочных мотивов характерно для очерков Минцлова.

Литература искони имела огромное значение в усадебном локусе. Усадьба уже своим присутствием настраивала на определенное настроение. Описания латгальских усадеб в рижской периодике неизменно сопровождаются цитатами из «усадебных» глав «Евгения Онегина», из стихотворений А. Жемчужникова, А. Апухтина, Ф. Тютчева и других русских поэтов и писателей; нередко в повествовании перечисляются книжные редкости из фамильных библиотек. Не мог не коснуться судьбы родовых библиотек (в прошлом — непременных атрибутов «дворянских гнезд») и С. Минцлов [5]. Библиофильская тема прослеживается на протяжении всех его «латгальских» очерков. Книжки — «неумирающие свидетели прошлого»; для Минцлова это то, что непосредственно связано с памятью об истории дворянского рода, жизни предков. Гибель ценных изданий, догнивающие предметы старины на чердаках выступают своеобразным символом, метафорой русского бытия, русской культуры.

Что касается мифологического пространства, Латгалия в рижской публицистике приобретает статус «вертограда заключенного»⁸, некоей модели

утраченного рая. Эта мифологема оказала существенное влияние на развитие мифа «дворянского гнезда» на протяжении нескольких веков; обращение к ней, в свою очередь, свидетельствует о своеобразном «возвращении» к прошлым традициям.

«Тишина и безлюдье» усиливаются описаниями многочисленных старых кладбищ и родовых каплиц — усыпальниц. И здесь Минцлов выступает в роли неизменного собирателя, «накопителя» русских примет. Это проявляется, например, в детальном описании костюма одного из мертвецов старинного склепа: «<...> особенно выделялся какой-то рослый полковник, затянутый в белый мундир и лосины; на почернелых эполетах его виднелись вензеля императора Павла» (161). Кладбища напоминают и «рассыпавшиеся» беседки, приходящие в запустение усадьбы, зарастающие сады. Портреты предков заменяют простые акварельные рисунки, — и это тоже своеобразный символ умирания прежнего быта. Концепт разрушенной усадьбы в очерках Минцлова приобретает особое значение; а именно, затрагивает тему русского рассеяния, тему дворянской России и заката ее культуры.

Особое внимание Минцлов уделяет старым усадебным садам; именно они оказываются живыми хранителями старины. В имение Ильзенберг Минцлов едет по старому Петербургскому шоссе, мимо аллеи из берез и елей, «помнящих еще дни Александра I» (163). Со старыми усадьбами, садами связано огромное количество воспоминаний; один из парков назван «поэмой воспоминаний». Описания внешней планировки усадеб отмечены присутствием демаркирующих сигнатур, характерных для подобного рода текстов: густо разросшаяся сирень, цветочные клумбы, «вековые» аллеи, беседки, приусадебные парки и озера. Для очерков Минцлова характерно введение в контекст повествования архитектурных деталей, предметов живописи и искусства; детализация играет не последнюю роль: «Обсаженная старыми березами дорога разветвилась, и возница мой свернул в правый, более тенистый рукав — в обычный в старых имениях отвод большака или шоссе к усадьбе. Забелели каменные столбы ворот, и бричка вкатилась на обширный, почти круглый, зеленый двор; за ним, прямо против ворот, вставал десятиконный, буро-желтый дом с мезонином и с четырьмя белыми колонами; такого же цвета были и все наличники; слева из-за полукруга деревьев глядели каменные сараи и службы; справа, будто второе зеленое крыло, темнел парк» (167). И в этом проявляется своеобразие текстов Минцлова, который, как никто другой, знал русскую усадьбу. Очерки Минцлова богаты историческими сюжетами; в

⁸ Лукаш И. Вертоград затаенный // Перезвоны. 1926. № 26.

целом это было характерно и для Ю. Галича, И. Лукаша, но Минцлов, быть может, избегая нежелательного повторения общих тем, постоянно находит что-то новое и оригинальное.

знаком сохранения русскими в Латгалии духовных нитей с культурным прошлым служат аллюзии на бунинские образы из повести «Антоновские яблоки» (1900). «Яблочный аромат» сопровождает Минцлова в его посещениях старых усадеб и главным образом, приусадебных садов: «Вдвоем с хозяином мы обошли их большой сад, весь наполненный развесистыми фруктовыми деревьями. <...> Сотни тысяч разноцветных яблок, словно мозаика, покрывали зелень деревьев; то здесь, то там глухо тупали о землю падавшие плоды. <...> Густо пахло яблоками» (175) [6].

«Старые сады околдовывают!» — восклицает Минцлов. Именно они обладают чудесным свойством переносить в далекое прошлое: «Кусты орешника густой зарослью окружают стены; солнечные лучи сквозили сквозь зелень, и каплица была полна веселых переливов бледных теней и света; казалось, будто находишься в уголке Эллады» (170). Непосредственно с садами связана тема уединения, уединенного размышления. Сад — локус воспоминаний; этот мотив идет еще от традиции А. С. Пушкина. Существенным компонентом садов, оказывавших определенное эстетическое воздействие на человека, была музыка. Прежде всего, это были певчие птицы. Реликтом этой традиции является в очерках Минцлова упоминание соловьиного пения в усадебных садах: «Задичалые аллеи елей и лиственниц рассекали фруктовые насаждения на прямоугольники; сквозь буйную заросль орешника и жасмина синело озеро; землю аллеи, словно осенние листья, усеивали золотые блики солнца. Хозяин остановился. «Как здесь весной соловьи поют!» — проговорил он (173). Отягощенный культурной памятью, усадебный локус бытийствует вне времени и пространства; он сохраняет в себе знаки культурного прошлого. «Жизнь давно ушла в горы... и в то же время она всюду: «Таня, ау?» — читаю свежую надпись, вырезанную на древнем кирпиче» (там же). Надписями пестрит беседка из очерка С. Минцлова «Сиреневые кусты»⁹ [7].

Все мысли, разговоры направлены в прошлое и обязательно на то, что, так или иначе, касается российского пространства. Своеобразие латгальского топоса представляется в маркированном повторении пройденного пути, то есть в целенаправленном поиске примет и сокровенных локусов «прежней России». «Отыскивание» примет русской топонимики и топографии, сохранившихся в очерченном пространстве, влечет за собой

появление легендарных сюжетов, исторических анекдотов из прошлого: «Вечер я провел у <...> Н. П. Красноперова. Оба мы волжане, и время прошло в воспоминаниях. всплыли кое-какие забытые встречи и события, ожили мертвые и в их числе когда-то знаменитый казанский губернатор Полторацкий, которого вся Волга именвала Полдурецким: он в виде Стеньки Разина разъезжал по всей губернии и громил уездные города» (162).

Усадебное пространство — пространство, овеянное мифами. Старые усадьбы, прилегающие к ним сады, парки с родовыми усыпальницами, приусадебные озера, — хранят многочисленные легенды и предания. В этом Минцлов проявляет себя в большей степени не столько как историк, сколько как мистик. Над озером витает туманная легенда о неповинно утопленном человеке; «с тех пор в глухую ночь можно увидеть душу его — белого ягненка, — мелькающего то здесь, то там у воды»; в угловой комнате старой усадьбы «слышаться иногда неведомые шаги; на белой стене перед бедой появляется красная рука» (169). Особо притягательны для Минцлова «семейные предания»: «В дальнем конце его <прим. — дома>, в маленькой комнатке помещается каплица; со стены смотрит потемневшая икона; она считается в роду у хозяев чудотворной, на ней виден порез; по семейным преданиям кто-то из буйных предков, вольтеррианец, вернувшись из чужих краев, ударил икону ножом и тут же поскользнулся, упал и раскрыл себе голову» (там же). Все это говорит о древнем укладе, быте и верованиях, передававшихся из поколения в поколение. Судьбы усадебных садов мистическим образом связаны с судьбами их владельцев (очерк «В барском гнезде»). Необходимо заметить, что такие сюжеты были типичными для рассказов Минцлова, автора сборника рассказов «Мистические вечера» (1930), «Чернокнижник» (1928), «То, чего мы не знаем» (1926).

Особенно Минцлова привлекает история древних замков [8]. В сюжет повествования Минцлов вводит характерные для творчества А. С. Пушкина, И. С. Тургенева «видения прошлого»: «В замке был бал, и во время мазурки из-за чьих-то синих или черных глаз между мужчинами вспыхнула ссора и сейчас же разрешилась дуэлью. Один из участников ее прямо с бала сошел в могилу... На место поединка, на нее, заросшую и одичавшую, среди лужайки, внимательно глядят зеркальные глаза замка» (161). Минцлов живописует связанные с замками легенды и народные предания, с обязательным присутствием нечистой силы и привидений: «Ночью в нем <прим. — в замке> можно повстречаться с привидением — встает одна из графинь, покоящаяся в каплице-усыпальнице» (там

⁹ Минцлов С. Р. Святые озера: Недавнее. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1927.

же). Подобные сюжеты сопровождаются у Минцлова подробными историческими экскурсами. Так, Минцлов упоминает Люцинский замок, возле которого, некогда, по преданию, находился стан войск Ивана Грозного. В лесах, прилегающих к замку, «когда-то спасались от своих господ крепостные, бежавшие из России за рубеж; местные жители охотились за ними, выискивая беглецов с помощью собак» (177).

В местных преданиях нередко проскальзывают мотивы, типичные для русских народных сказок, — именно им Минцлов уделяет особое внимание. Так, в народной легенде о царевне Люции, главными действующими лицами являются крестьянин со своей женой и курица, которая и снесла яйца в склепе, где томилась проклятая царевна. В Люцине один из владельцев имения назван «богатырем». («В сказочном прошлом» — название очерка) [9].

Латгальская усадьба, таким образом, в очерках С. Р. Минцлова — это пространство обретения России и, в то же время, ее утраты. Интересы Минцлова были сконцентрированы вокруг фактов русской общественной мысли, национального достояния. И это вполне естественно. В Риге Минцлов оказался вовлечен в русскую языковую среду, и размышления его оказались связанными преимущественно с Россией.

Отметив это, следует сказать и о наличии некоего второго плана в очерках Минцлова. Так,

очерк «По старым гнездам» непосредственно затрагивает тему русского рассеяния: «Десять лет минуло с тех пор, как огни родины в последний раз мигнули мне в черную ночь с берега Финляндии... десять лет скитаний по всему миру!». Неслучайно также, что один из очерков заканчивается строками известного русского романа («Однозвучно звенит колокольчик»), «прообраза жизни», по определению самого автора; важным концептом которого является дорога: «<...> И умолк мой ямщик, а дорога / Предо мной далека... далека... далека...» (167) [10]. Дорога — одна из пространственных форм, организующих тексты Минцлова.

Итак, в 1920–1930-е годы в рижской газетной и журнальной периодике появляется значительное число публикаций, посвященных латгальским усадьбам. При всем том, что, в целом, повторение отдельных тем и сюжетов оказалось неизбежным, очерки Минцлова представляются оригинальным, в своем роде, образованием. Минцлов был отличным знатоком усадьбы, ее внутренней и внешней планировки; в его очерках отразился ряд наблюдений, присущих Минцлову как научному деятелю: историку, библиофилу и собирателю старины.

Очерки С. Р. Минцлова, появившиеся на страницах газеты «Сегодня» в 1927 г., вполне гармонично вливаются в общую струю настроений периода 1920–30 гг.; их наличие помогает наиболее полно определить авторскую позицию в контексте его «усадебного» творчества.

Примечания

1. Латгальские имения и, более всего, имения Лабваржи и Рунторт, переживали в 1920–1930 гг. настоящий «бум» на страницах рижских периодических изданий. Усадебный нарратив порождает огромное количество публикаций; на протяжении нескольких лет появляются очерки о латгальских имениях в газетах «Слово», «Сегодня», «Понедельник», «Русский день», в журнале «Перезвоны». Путешествия на границу Латвии с Россией принимают характер своеобразного «паломничества». В Латгалию едут из-за рубежа, вдохнуть «русский дух», Б. Зайцев, многолетний редактор нью-йоркской газеты «новое русское слово» А. Седых (Я. Цвибак), сотрудник «Последних новостей» В. Оболенский. «Русью там пахнет!», — восклицал искусствовед Н. Мишеев¹⁰.

2. Латгалия являлась местом сосуществования различных культур, что, в целом, характерно и для российской культуры. Здесь находились, в частности, известные польские гнезда, в которых проживали когда-то польские магнаты: Храповицкие, Лапотинские, Шадурские, граф Мольтке. Латгальский топос был чрезвычайно богат культурно-историческими памятниками. Описывая посещение латгальских усадеб, Минцлов словно теряет грань между старой русской усадьбой и современной, латгальской. Русские в Латгалии жили своим, автономным, устоявшимся в веках, миром, видимо поэтому, Минцловым намеренно создается ощущение застывшего времени и места. Поэтому и не возникает никакой почвы для антагонизма (например, русской и латышской культур).

3. Я. П. Кульнев — люцинский уроженец, знаменитый «авангардный генерал», герой отечественной войны, шеф лейб-гвардии Гродненского и Клястицкого гусарских полков. Во время шведского похода Кульнев познакомился с капитаном финского купеческого судна Рунебергом. Этот эпизод запечатлелся в памяти четырехлетнего сына Иоанна Людвиг Рунеберга, ставшего впоследствии классиком финно-шведской литературы. Спустя сорок лет, он воспел русского героя в «Рассказах прапорщика Столя». Звездный час генерала совпал со смертным: он погиб при Клястицком сражении, возле станции почтовой Сивошино, — там же, где и родился. Это

¹⁰ Мишеев Н. И. Старинные усадьбы // Перезвоны. 1926. № 15.

замечательным образом обыграл В. А. Жуковский в балладе «Певец во стане русских воинов» (1812): «Где Кульнев наш, рушитель сил, / Свирепый пламень брани? / Он пал, главу на щит склонил, / И стиснул меч во длани. / Где жизнь судьба ему дала, / Там брань его сразила, / Где колыбель его была — / Там днесь его могила!». Слава Кульнева была больше, чем у Кутузова и князя Багратиона. Наполеон сравнивал его со своим любимцем, генералом Лассалем. Кульнев стал народным героем; имя его со временем обросло многочисленными мифами, сказками, легендами и народными песнями. Ю. Тынянов посвятил ему очерк «Красная шапка». Название очерка, в частности, отразило один из известных в то время мифов о том, что перед боем Кульнев надевал фуражку с красным верхом; устрояя, таким образом, своих противников. На самом деле, никакой красной фуражки быть не могло. Кульнев командовал Гродненским гусарским полком — вся форма была синяя. Он надевал финский колпак. Именно это в точности передал Д. Давыдов: «И в финском колпаке являлся среди боя».

Похоронен знаменитый генерал был в поместье Кульнево-Ильзенберг. Имя Кульнева было присвоено куплено после перенесения сюда останков генерала. Место захоронения героя-генерала объединяло «русской идеей», подчеркивало историческую связь русских в Латвии с Россией и ее историей.

В Латгалии в августе 1927 г. отмечалось 115-летняя годовщина со дня смерти Я. П. Кульнева. В сентябре-октябре появляются в «Сегодня» публикации Минцлова. Подробно торжества в честь Я. П. Кульнева описал К. Лейман в своей книге «Могила командира 6-го гусарского Клястицкого полка генерала Кульнева» (Нью-Йорк, 1954).

4. Этот образ встречается в пушкинских «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830), в которых, в частности были следующие строки: «Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня». При всем том, что тематика и общая тональность пушкинского стихотворения вполне гармонирует с настроениями минцловских описаний, это может быть и вполне самостоятельный, устоявшийся образ, встречающийся, например, и у А. Формаква: «В Лоберже <...> сохранился белокаменный барский дом с широкой каменной лестницей, высокими стеклянными дверями и окнами, просторными комнатами с изразцовыми печами, солнечными зайчиками и мышинным писком по ночам»¹¹.

5. В произведениях С. Р. Минцлова нередко отражаются наблюдения этнографа, находки археолога и архивиста. Именно поэтому Минцлов был известен больше как историк и библиофил. В результате многочисленных поездок по России, которые составили богатый материал для его художественных произведений, Минцлов собрал ценную библиотеку, насчитывающую около 4 тысяч томов. Минцлова цитируют, ссылаясь на такие его труды, как: «Опись книгохранилища С. Р. Минцлова», «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке», «Синодик погибших частных хранилищ». Минцлов был членом многочисленных обществ (географического, исторического, библиографического и т. д.). В начале 1920-х гг. он был постоянным активным участником парижского Общества друзей русской книги, в списке членов которого были С. П. Дягилев, С. М. Лифарь, М. А. Осоргин.

6. В данном случае, возможно наличие и другого сюжета, непосредственно связанного с именами братьев Жемчужниковых. В имении Рунторт, которое посещает Минцлов, была цела старая яблоня, под которой шестидесятилетний Алексей Михайлович мадригально воспел «цветущую старость» своего друга, да и свою тоже: «В кругу цветущей молодежи / Есть яблонь старая. Она / Уж к дому клонится, но тоже / богатым цветом убрана»¹².

7. Надписи (в «Сиреневых кустах» надписями была исписана беседка) — это своего рода историко-культурный палимпсест, который сохраняет следы предыдущих этапов бытования надписи. Надпись на беседке является одним из видов разнообразных надписей, которыми с античности и вплоть до XIX века, украшались сады. Надпись на кирпиче отголосок этой традиции. В своем очерке Минцлов не затрагивает вопроса о связи надписи с литературой, его в первую очередь занимает их бытование в реальной жизни. Но упоминание надписи в контексте повествования говорит о том, что Минцлов был знаком с традициями этого жанра.

8. Следует отметить, что генетически дворянское гнездо ведет свое происхождение от рыцарских замков.

9. Легенда о трех сестрах: Люции, Розалии и Марии, владелицах соответственно замков Люцина, Режицы (Розеттена), Мариенгофа (ныне — Виляка), вариативно была представлена на страницах рижской периодики. Ю. Галич, К. Лейман, Б. Поморский (Б. Шалфеев) обращались к этому нарративу в своих публикациях. Легенда эта была в середине XIX в. записана известным историком Латвии Г. Мантейфелем. Кстати, Мантейфели состояли в родстве с Я. П. Кульневым; вполне возможно, что Минцлов знал о существовании подобного источника.

10. Ср. со стихотворением А. С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826). (У Пушкина — «Колокольчик однозвучный утомительно гремит»). В песне ямщика звучат ноты, связанные с особенностями «души» русского человека: «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска».

¹¹ Формаква А. Латгальское «дворянское гнездо» — родина необычного писателя («Лоберж» Жемчужниковых) // Сегодня. 1934. № 132. С. 4.

¹² Формаква А. Латгальское «дворянское гнездо» — родина необычного писателя («Лоберж» Жемчужниковых) // Сегодня. 1934. № 132. С. 4.

Общая тональность строк известного романа, автором которого был уральский ямщик И. И. Макаров, лейт-мотивом проходит через очерки Минцлова, неизменным подтекстом которых является эмиграция: «Сад громадный. Несколько часов я бродил и сидел в нем в полном одиночестве. Не передать того, о чем думалось: ни о чем и обо всем. Что-то слышалось в шуме деревьев; что-то неясное, смутное наплывало из-за них и наполняло грудь» (172). Тревогой за собственное будущее, будущее грядущих поколений, обращаясь к исчезающей прямо на глазах целой эпохи, пронизан финал очерка «По старым гнездам» (II): «Голубело небо; за садом шумели старые, неохватные ели; у дома тревожно металась и шепталась сирень... Усадьба осталась за нами» (166-167). Неоднозначность высказывания на лексическом, шире — смысловом уровне, содержащаяся в заключительной строке, придает общему повествованию трагический оттенок.

Нина Латидус

Вдали от родных берегов

Октябрьские события 1917 г. заставили покинуть Родину многих видных творцов изобразительного искусства России. Жизнь талантливых мастеров за рубежом оказалась борьбой за существование. Однако, кто смог устроиться, не утратил своей творческой индивидуальности. Наиболее даровитые выжили и своим искусством обогатили культуру той земли, которая их приняла. Наполняя свое искусство почерпнутой в новой жизни мотивами, усваивая принципы художественных школ, с которыми пришлось соприкоснуться в изгнании, они в свою очередь, внесли много нового в культуру принявших их стран.

В начале 1920-х гг. в латвийской столице Риге поселились академики живописи Николай Петрович Богданов-Бельский, Сергей Арсеньевич Виноградов и мастер анималистического жанра Константин Семенович Высотский. Яркие представители русской художественной реалистической школы, они стали наиболее заметными в культурной рижской жизни. Многочисленные поклонники из среды прибывших эмигрантов, не утратившие надежду на возвращение, помогли художникам найти свое место в замкнутом пространстве небольшой республики. Известный на родине еще в конце XIX — начале XX вв. Н. П. Богданов-Бельский в латвийский период, продолжив в своем творчестве тему крестьянских детей, получил большое признание. С. А. Виноградов, оставаясь верным реалистическим традициям, сформировавшим его художественное мировоззрение, воспел природу восточного латгальского края Латвии, с его озерами, лесами, лугами, селениями.

Популярным стал и Высотский. Изображенные на холстах медведи, лоси, зайцы, летящие лебеди, утки, пасущие гусей крестьянские дети, быстро раскупались как в Латвии, так и на выставках, персональных и проводимых совместно

с другими художниками-эмигрантами в прибалтийских и западных странах.

Реалистическая основа искусства этих мастеров не была задушена тенденциями латышского национального искусства, авангардными поисками нового поколения. В столицу, получившей независимость Латвии, в начале 1920-х гг. возвращались художники-латыши, получившие образование в российских учебных заведениях и ранее творившие вне пределов своей земли. Искусство латышей и русских творцов, представленное на активно посещаемых выставках, делали художественную жизнь латвийской столицы яркой и многообразной.

В феврале 1921 г. в рижском салоне ЛТА прошла выставка художника-графика, живописца, иллюстратора и писателя Василия Николаевича Масютина. Посвященные войне и революционным событиям в России его офорты, рисунки привлекли внимание. Были представлены циклы гравюр «В городе», новая серия «Семь смертных грехов», иллюстрации к произведениям «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, «Дон Жуан» Э. Т. А. Гофмана и др. Художник в 1920 г. принял латвийское гражданство, но вскоре выехал с семьей в Берлин. В выставочном салоне рядом с произведениями мастера экспонировал свои живописные работы и Игорь Эммануилович Грабарь. Прибывшего в начале 1921 из Москвы с культурной миссией художника поразил европейский вид города, активная художественная и театральная жизнь, книжные магазины. Параллельно с латышской культурой существовала и русская. В консерватории проходили музыкальные концерты российских композиторов, гастроли Московского художественного театра, устраивались вечера поэзии И. Северянина, позднее — писателя А. Толстого. В Театре русской драмы ставились пьесы русских классиков,